



Александр Мельник

Резонанс. Голос

<https://litres.ru/74134454>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир погиб не в огне. Он погиб в тишине.

Семнадцать лет назад «Колокол» — глобальная сеть инфразвуковых излучателей — вышел из-под контроля и за семь дней уничтожил почти всё человечество. Выжившие ютятся в анклавах, где каждый звук громче шёпота может пробудить спящие вышки. Тишина стала законом. Тишина стала тюрьмой.

«Резонанс. Голос» — это мрачный постапокалиптический роман о тишине, которая убивает, о пути, который меняет всё, и о девочке, которая решилась заговорить в мире, где звук — смерть.

Александр Мельник

Резонанс. Голос

Глава 1

Пролог: последний подарок

5-й год Эры Безмолвия, май 2047 год. «Кубань-Центр», комната Веры и Ани.

Она уходила на рассвете.

В «Кубань-Центре» ночь не отличалась от дня — бетонная коробка бывшего торгового центра не пропускала солнца. Но Вера знала: там, наверху, небо уже сереет. Она чувствовала это кожей, лёгкими, чем-то глубже — тем самым чутьём, которое звукоходы вырабатывают за годы ходьки. Пора.

Их комната была маленькой — бывшая подсобка книжного магазина на втором этаже, десять квадратных метров, отгороженных от остального мира стенами, обитыми тремя слоями звукоизоляции. Вера сама обшивала их: поролон из мебельного, старые одеяла, плотный картон. Ни один звук не проникал сюда из коридора, и ни один звук не выходил наружу. В этом коконе тишины она растила дочь пять лет.

Сейчас, при свете оплывшей свечи, комната казалась по-

что уютной. У стены — узкая кровать, где спала Аня. Рядом — старый матрас, на котором спала сама Вера. У изголовья — деревянный ящик, заменявший стол: на нём огрызок свечи в консервной банке, пара книг, моток ниток и самодельная кукла из лоскутов. На стенах — рисунки Ани, приколотые булавками к звукоизоляции: домик с трубой, дерево, человечек с жёлтыми волосами. Наверное, она сама. А может быть, мама. Вера так и не спросила — всё откладывала на потом. Теперь потом не будет.

Она сидела на корточках у кровати и смотрела на дочь. Свеча догорала, воск капал на жёсть, тени ползли по стенам. Аня спала, поджав ноги, сжимая в кулаке край одеяла. Ей было пять.

Вера смотрела на неё и запоминала.

Светлые волосы — почти белые в полумраке, мягкие и тонкие, как пух. Такие же были у отца. Ресницы длинные, тёмные — это от Веры. Лоб высокий, чистый, и брови чуть приподняты, будто она во сне чему-то удивляется. Щёки круглые, по-детски пухлые. Кожа бледная, почти прозрачная — в «Кубань-Центре» все были бледными. Губы чуть приоткрыты, дыхание ровное, беззвучное. Она не храпела, не бормотала, не плакала во сне — с самого рождения. Как будто знала: звук — это смерть.

Вера протянула руку и поправила прядь волос, упавшую Ане на лоб. Пальцы дрогнули.

— Ты родилась в тишине, — прошептала она, почти од-

ними губами, привычно измеряя громкость собственного голоса. — Но это не значит, что ты должна молчать.

Она знала, что говорит с ребёнком, который не поймёт. Но слова были нужны не Ане — ей самой. За годы жизни в «Резонансе» она разучилась говорить вслух. Шёпот стал её родным языком, а слова — редкой роскошью. Теперь, в последнюю ночь, она хотела сказать самое важное. То, что Аня, возможно, вспомнит через много лет.

— Когда-нибудь ты поймёшь. А пока — слушай. Слушай тишину. Она расскажет тебе всё.

Вера выпрямилась. Свеча мигнула, и на мгновение её лицо осветилось ярче: русая коса, переброшенная через плечо, острые скулы, тонкий нос с горбинкой — след старого перелома, который некому было вправить. Глаза серые, глубокие, с морщинками в уголках — не от смеха, от прищура. От привычки вглядываться в даль, где горизонт расчерчен вышками. Губы сухие, потрескавшиеся — воду она всегда экономила.

Ей было двадцать восемь. Выглядела она на все сорок. Звукоходы не живут долго.

Она расстегнула цепочку на шее. Маленький серый прибор — портативный шумомер в ударостойком корпусе, размером с зажигалку. На лицевой панели — узкая прорезь микрофона и аналоговая шкала с красной зоной в правой части. Металлические вставки по углам, клипса на задней стороне, ушко для цепочки. Старая вещь, из того мира, ко-

торый Вера ещё помнила и о котором никогда не рассказывала дочери.

Она нашла его пять лет назад. В бункере на полигоне, куда забралась случайно, спасаясь от грозы. Инженер, которому он принадлежал, сидел в кресле, уронив голову на пульт. Кожа да кости, серая форма, высохшая лужица крови из ушей. Шумомер лежал рядом — наверное, он проверял уровень фона в последние минуты. Вера взяла его. Не из жадности — из понимания. Эта вещь могла спасти жизни.

С тех пор шумомер прошёл с ней все дороги. Все красные зоны, все жёлтые коридоры, все мёртвые поля. Он говорил ей: «Здесь можно шептать, здесь нужно замереть, здесь — беги». Он был её вторым слухом. Лучшим, чем её собственный.

Теперь он был не нужен ей. Но нужен дочери.

Вера положила шумомер на подушку, рядом с Аниной щекой. Цепочку заправила под край одеяла — чтобы не потерялась.

Она встала. Колени хрустнули — тихо, но она поморщилась. Оглядела комнату в последний раз. Рисунки на стенах. Кукла на ящике. Огрызок свечи. Всё это останется здесь. Всё это больше не её.

Рюкзак ждал у двери: карты, вода на неделю, сухари, нож в ножнах, кляп, кусок ткани для фильтрации. Ничего лишнего. Она знала, что не вернётся. Знала с того самого дня, когда нашла координаты Архива в мёртвом планшете Зво-

нарёва. Знала и всё равно шла. Потому что если не она — то, кто?

У двери она обернулась.

Аня спала. Шумомер на подушке тускло блестел в свете умирающей свечи. Девочка ещё не знала, что мать ушла. Ещё не знала, что этот маленький серый прибор станет её единственным наследством. Что через двенадцать лет она пойдёт по тому же пути, и те же вышки будут слушать её шаги, и та же тишина будет пытаться её убить.

Вера улыбнулась — одними уголками губ. Улыбка вышла неровной, треснутой, как всё в этом мире.

— Слушай тишину, — повторила она шёпотом. — И когда-нибудь ты услышишь мой голос.

Дверь закрылась за ней мягко, без звука. Петли были смазаны маслом — Вера позаботилась об этом заранее.

Свеча мигнула в последний раз и погасла. Тьма сомкнулась.

Аня спала. Её пальцы — маленькие, детские, с обкусанными ногтями — сами нашли шумомер и сжали его. Крепко. Как будто она знала. Как будто понимала: мама ушла, но оставила ей не просто прибор.

Она оставила ей дорогу.